

верженіе мысли, будто современное убѣжденіе, по которому все кончается смертью, ведетъ къ тому, чтобы взять отъ жизни все возможное и оградить себя по возможности отъ страданій, могутъ указать на нашу учащуюся молодежь, которая также раздѣляетъ общее убѣжденіе въ безцѣльности существованія и даже проповѣдуетъ это убѣжденіе, какъ что-то новое, и не только новое, но и какъ будто что то очень важное и великое, какъ новую благую вѣсть, проповѣдуетъ это убѣжденіе съ восторгомъ, съ урочіемъ, причѣмъ проповѣдующіе безцѣльность и бессмысленность существованія считаютъ необходимымъ достигать какого то общаго блага, ради котораго жертвуютъ чужою и даже своею жизнью, хотя и знаютъ, что для мертваго нѣтъ будущаго, кромѣ ни на что ему не нужной памяти, славы. Но такая дѣятельность нашей молодежи, свидѣтельствуя, что молодежь наша не умѣетъ послѣдовательно мыслить, свидѣствуетъ также, что горячее и доброе сердце нашей молодежи, жаждущей подвига, самопожертвованія, пересиливаетъ ея умъ, и она не соображаетъ, что дѣлаетъ. Отсюда и восторгъ при проповѣдованіи убѣжденія, по которому мы всѣ приговорены къ казни, и предотвратить этой казни никто и ничто не можетъ; что бы мы ни дѣлали, казнь несомнѣнно послѣдуетъ только не одновременно надъ всеми, а особо надъ каждымъ въ неизвѣстное ему время. Не похоже ли это на то, если бы куры пришли въ восторгъ, узнавъ, что каждая изъ нихъ въ свое время попадетъ на жаркое или въ горшокъ съ супомъ? Столь же незрѣло, столь же непослѣдовательно искать общаго блага тѣмъ, кому по собственному убѣжденію ищущихъ такого блага грозитъ лишь общее зло, всеобщая гибель. Только незрѣлость, непослѣдовательность мысли заставляють предназначенныхъ къ неизбѣжной гибели заботиться о какомъ то общемъ благѣ, вступать для этого въ борьбу, совершать перевороты, которые ведутъ лишь къ новымъ и еще большимъ страданіямъ и къ скорѣйшей гибели. Послѣдовательность мысли требуетъ, по слову апостола Павла, — *станемъ пить и пить*, — если мертвые не воскресаютъ, — *ибо завтра умремъ*. Золотое сердце, заставляющее вопреки убѣжденій, усвоенныхъ головою, искать подвига, самопожертвованія, свидѣствуетъ, что молодежь наша способна совершить великое, если умъ ея не будетъ расходиться съ сердцемъ, — если умственная зрѣлость не будетъ приводить къ разочарованію, какъ это почти всегда бываетъ въ наше время. Къ сожалѣнію, все наше образованіе ведетъ къ убѣжденію, что жизнь не имѣетъ ни цѣли, ни смысла, что все кончается смертью, послѣ которой нѣтъ возврата, нѣтъ воскресенія, — т. е. ведетъ къ убѣжденію, которое не только не воодушевляетъ на подвигъ, — но у послѣдовательно мыслящихъ отнимаетъ всякое желаніе дѣятельности, потому что и дѣятельность не имѣетъ смысла, если самое существованіе наше не имѣетъ никакой цѣны и поддержать его нѣтъ возможности, ибо всякій живущій неизбѣжно умирать, а смертію все кончается. Хотя изъ нашихъ учебныхъ заведеній и не изгнали еще Закона Божія и Законъ Божій значится въ числѣ даже главныхъ предметовъ преподаванія, но какую жалкую роль играетъ этотъ предметъ въ средѣ другихъ предметовъ преподаванія, которые, вполнѣ игнорируя его, во всемъ ему противорѣчатъ. Кто изъ учившихся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не знаетъ, что ученики старшихъ